

...*Я испуганно открываю глаза и вижу старшину батареи — прапорщика Высовеня.*

— Вставай! Трибунал проспишь! — сурово шутит прапорщик.

За окошком не утро, а знобкая темень. Ежась и застегиваясь на ходу, ребята выбегают на улицу. Сквозь стекло видно, как на брусчатом батареинном плацу топчутся несколько солдат — зародыши будущей полноценной шеренги.

В казарме возле изразцовой печки стоит сердитый, со следами сна на лице замполит дивизиона майор Осокин. Время от времени он резко дергает головой, точно отгоняет надоедливую мысль. Это — тик, последствие контузии, полученной в Афгане.

Рядом с замполитом томится наш комбат старший лейтенант Уваров. Он пытается хмуриться, как бы недовольный неорганизованным подъемом вверенной ему батареи, но взгляд у него растерянный. В руках наш нервный комбат мнет и ломает свою гордость — фуражку-аэродром, сооруженную в глубоко законспирированном столичном спецателье.

— Давай, Купряшин, давай! — брезгливо кивает мне комбат Уваров. — Спишь, как на первом году! Защитничек...

— А что случилось? — совсем по-цивильному спрашиваю я, потому что часть мозга, ведающая уставными словосочетаниями, еще не проснулась. — Тревогу же на завтра назначили...

Старшина Высовень медленно скашивает глаза в сторону замполита, потом снова смотрит на меня, и в его взоре столько многообещающей отеческой теплоты, что я пулей срываюсь вниз, вмиг обрастаю обмундированием, на бегу опоясываюсь ремнем, вылетаю на улицу и врезаюсь в строй. Шеренга вздрагивает, принимая блудного сына, и замирает.

«Вот черт, — молча возмущаюсь я. — Второй день выспаться не дают!»

— В дисбате выспитесь! — обещает, вышагивая вдоль построенной батареи, старшина Высовень.

Нет никаких сомнений, что в школе прапорщиков его обучали телепатии.

— А что все-таки случилось? — спрашиваю я стоящего рядом со мной ефрейтора Зубова, механика-водителя нашей самоходки и неугомимого борца за права «стариков».

Зуб медленно поворачивает ко мне свое злое розовощекое лицо и не достаивает ответом. Он вообще похож на злого поросенка, особенно теперь, когда остригся наголо, чтобы к «дембелю» волос вырос гуще. Скажите пожалуйста, какой гордый! Дедушка Советской армии и Военно-морского флота! Значит, все-таки вчерашний ночной приговор в каптерке — акция, как говорится, долговременная! Ладно, переживем.

Старшина Высовень останавливается перед строем, потягивается и с лязгом зевает. Но для чего нас все-таки подняли среди ночи?

* * *

Вчера, за час до подъема, меня разбудил чей-то шепот. В розовом утреннем свете казарма сияла, точно ее только что отремонтировали. Около коек, на табуретках, аккуратно лежало обмундирование, в черных петлицах единообразно поблескивали крестики артиллерийских эмблем. Рядом, на полу, стояли сапоги, обернутые вокруг голенищ серыми портянками. Возле каждого табурета — две пары сапог: одна — стоптанная, побывавшая в ремонте, другая — новенькая, с едва наметившимися морщинами. Дело в том, что койки у нас двухъярусные: внизу спят «старик», а наверху — молодежь.

Казарма, словно радиоэфир, наполнена разнообразными звуками: сонными вздохами, сладким посапыванием, тонким, почти художественным свистом, раскатистым храпом, невнятным бормотанием, наконец, отчетливым шепотом, который и разбудил меня. Разговаривали молодые — Малик из взвода управления и доходяга Елин, заряжающий с грунта из моего расчета. Их койки приставлены вплитык, поэтому они были уверены, что их никто не слышит, но я разбирал каждое слово.

— Ты бы на сквозняк повесил! — советовал Малик.

— Я и повесил, — безнадежно ответил Елин. — Все равно воротник и манжеты сырые. Зуб теперь орать будет, что я плохо отжимал, а я вот — до мозолей выкручивал! — И он показал однопризывнику ладони.

— Может, обойдется! — успокоил Малик. — Все-таки праздник сегодня!

— Кому праздник, а кому... — Елин не договорил и ткнулся лицом в подушку.

— Терпи, будет и твой праздник!

— Не хочу я, не могу! — почти крикнул Елин.

— Не хочешь — заставят, не можешь — научат! — убежденно ответил Малик.

— Ребята, мы будем спать?! — возмутился из-под одеяла рядовой Эвалд Аболтыныш, еще два месяца назад разгуливавший «по узким улочкам Риги».

Никто не ответил, а через минуту все трое затихли: молодые засыпают мгновенно, им еще, как медным, служить до своего праздника, до своих ста дней!

Кто не тянул срочную, тот не поймет, что такое сто дней до приказа! А это значит, ты уже наполовину гражданский человек. Это значит, министр обороны не только выбрал ручку, которой подпишет приказ об увольнении в запас твоего призыва, но и обмакнул ее в чернила. Не знаю, может быть, маршал подписывает свои приказы каким-нибудь потрясающим «паркером» с золотым пером, но так уж считается: сначала он выбирает себе ручку, потом обмакивает ее в чернила, затем делает несколько пробных росчерков и наконец ставит автограф на известном каждому солдату документе, где есть такие священные слова:

«В соответствии с законом СССР «О всеобщей воинской обязанности» приказываю:

1. Уволить из рядов Советской Армии, Военно-Морского Флота, пограничных и внутренних войск в запас в октябре — декабре 198... г. военнослужащих, сроки действительной военной службы которых истекают до 1 января 198... г.»

Затем идет второй пункт — о новом призыве, а за ним третий:

«Приказ объявить во всех ротах, батареях, эскадрильях и на кораблях».

Трижды, стоя в строю, я слышал эти слова, трижды провожал «стариков» домой.

Через сто дней мой приказ!

Накануне всегда идут разговоры о том, что уж в нынешнем году и приказ, и увольнение будут раньше обычного и что на это имеются веские внутри- и внешнеполитические причины. Слухам верят, хотя они еще

ни разу не оправдались. Но так или иначе, а «дембель», говоря словами старшины Высовеня, «неотвратим, как смерть»!

Первыми узнают о приказе писари и сразу сообщают благую весть своим землякам. Под страшным секретом. Естественно, через полчаса об этом знает уже вся часть. Вскоре приказ появляется в печати, и начинается настоящая охота за газетами. Неизвестно, каким образом, но только номера с текстом приказа исчезают даже из подшивок, хранящихся в кабинетах командира и замполита полка. А ефрейтор Симаненок (он уволился весной) просто-напросто делал на этих газетах маленький солдатский бизнес. Примерно через неделю после всеобщего ажиотажа, когда кое-кто отчаивался украсить свой дембельский альбом заветной вырезкой, Симаненок получал из дому здоровенную бандероль, набитую самыми разными газетами от одного-единственного числа. Понятно от какого. И еще: выпуск с приказом на первой полосе был единственным номером многотиражки «Отвага», расхлывшимся мгновенно и полностью. В любое другое время нашу газету (ребята называют ее «Стой, кто идет?!») можно наблюдать в самом неожиданном виде и в самом неожиданном месте.

Итак, узнав о приказе, «старики» мчатся в лес — ставить дембельские кресты, сколоченные доски или сучья, к которым прибиты дощечки с надписями. Например:

**Мл. сержант Коркин А.Ф.
1982–1984**

**Служи, сынок, как дед служил,
А дед на службу положил!**

Главное — присобачить крест на дереве как можно выше. В прошлом году один «старик»-верхолаз грохнулся и попал не домой, а в госпиталь.

Вечером события разворачиваются следующим образом: у «стариков» к приказу всегда припасены трассеры и сигнальные ракеты, поэтому, как только стемнеет, то в одном, то в другом месте небо прошивают огненные пунктиры. Офицеры бранятся, принимаются искать виноватых, но больше для виду, ибо все понимают: таков давний солдатский обычай.

Но самое главное начинается после отбоя: «старики», которые с этой минуты становятся «дембелями», возводят всех остальных в очередные звания неписаной казарменной иерархии. Делается это при помощи обыкновенного уставного ремня. Каждый получает по конкретному месту столько ударов, сколько месяцев отдано родным Вооруженным силам.

Когда я учился в школе, у нас был преподаватель истории — жуткий зануда. Он всегда заканчивал урок предложением начертить «табличку на полстранички» и таким образом закрепить новый материал. С тех пор я могу свести к табличке все что угодно, даже нашу солдатскую жизнь. Выглядеть это будет примерно так¹:

Срок службы (в месяцах)	Наименование солдатского сословия	Права и обязанности
1–6	«Салага», «сынок», «дух» и т. д.	Обязан во всем беспрекословно подчиняться старослужащим
6–12	«Скворец», «шнурок» и т. д.	От «салаги» отличается только большим жизненным опытом и надеждой на будущие права
12–18	«Лимон», «черпак»	Руководит «салагами» и «скворцами», подчиняется «старикам»
18 — день приказа	«Старик», «король», «дед» и т. д.	Океан прав. Подчиняется только командирам, но с чувством собственного достоинства
День приказа — отправка домой	«Ветеран», «дембель» и т. д.	Гражданский человек, по иронии судьбы одетый в военную форму

«Старик» — это сладкий сон после подъема (пока не придет старшина), это лучший кусок за длинным солдатским столом, это право не поднимать ногу, когда батарея идет строевым шагом (за тебя колотят подошвами молодые), это полная свобода от мелкого быта и возможность полностью отдаться мечтам о «дембеле» (если надо, подошьет подворотничок или простирнет гимнастерку молодой), это... Это еще десятки различных привилегий, превращающих тебя в особое существо и придающих походке рассеянную величавость, а лицу — сонно-высокомерное выражение. Честно говоря, большинством этих прав я не пользуюсь — не по мне... Не могу, например, как ефрейтор Зубов, заставить молодого всю ночь стирать мое «хэбэ», а потом костерить за то, что гимнастерка к утру не высохла, хотя год назад то же самое проделывали с ним, Зубом. Но самое грустное и непонятное заключается в том, что всего лишь через год этот насмерть перепуганный Елин станет неторопливо-суровым двадцатилетним «стариком» и будет гонять такого же ошалевшего парня — свое сегодняшнее подобие!

¹ *Примечание:* отдельные детали и наименования могут варьироваться в соответствии с традициями той или иной части.

Но только ничего этого я не увижу: через сто дней приказ, потом самые томительные дни до отправки партии уволенных в запас, а потом... Я уже чувствую острый, волнующий запах «гражданки» и просыпаться, наверное, в последнее время стал так рано, чтобы со вкусом помечтать о ней. Я почти два года не пил газировку из фыркающего автомата, не бродил по осенней Москве! Почти два года... Неужели прошло два года?!

2

Старшина Высовень останавливается перед строем, потягивается и с лязгом зеваает. Но для чего нас все-таки подняли среди ночи?

Выстроившись в две шеренги, мы стоим вдоль освещенных окон казармы. Над головой чернеет брезент ночного неба, весь в маленьких дырочках звезд. В окно видно, как замполит Осокин, дергая головой и наливаясь багровостью, распекает старшего лейтенанта Уварова, а тот молчит, играет желваками и вот-вот сломает маленький, искусно скошенный вниз козырек спецфуражки.

— Это не служба, а цирк зажигает огни! — ворчит старшина Высовень. — Прыгаешь, как клоун.

У прапорщика медно-рыжие волосы и здоровенные кулаки, которыми, если использовать их в мирных целях, можно забивать сваи.

— Товарищ старшина, — покачиваясь на мысках, ленивым голосом спрашивает рядовой Чернецкий. — Разрешите обратиться?

Валера Чернецкий, мой однопризывник, вычислитель взвода управления, пришел в армию со второго курса института, якобы по причине сложных философско-этических исканий. Но я почему-то думаю, призвался он в результате банальной академической задолженности.

— Обращайся, — разрешает Высовень, несколько удивленный и настороженный уставной церемонностью Валеры.

— В какой связи нас подняли? — интересуется Чернецкий. — Может быть, досрочно увольняют в запас?

— В честь ста дней! — добавляет Зуб.

— Домой теперь только через дисбат! — ласково повторяет старшина свою странную угрозу.

— Не нравится мне все это, — тихо вступает в разговор рядовой Камал Шарипов, наводчик нашего расчета. — Очень не нравится. Елки-моталки!

Когда два года назад мы познакомились с Камалом в карантине, куда он прибыл из высокогорного кишлака, русский язык был ему почти неведом, а теперь Шарипов владеет великим и могучим совершенно сво-

бодно и особенно полюбил сильные выражения, уходящие корнями в самые рискованные глубины народного словотворчества.

— А мне, мужики, сегодня дембель снился! — вступаю в общую беседу и я.

Но они словно не замечают меня. Ах, ну конечно, по приговору «стариковского» суда с этой ночи и до первой партии я поражен во всех правах и разжалован в «салаги».

А ведь странный был сон, какой-то вывернутый наизнанку! И Лена... Она не снилась мне давным-давно, с тех самых пор...

— Батарей! — зычно командует старшина Высовень. — Равняйся! Смир-рно!!!

* * *

...Дома родня еще догуливала на моих проводах, в который раз пропускающая перед чаем «по последней». Бабушка и тетя Даша помогли на кухне маме мыть посуду, а дядя Петя, по своему обыкновению выломившийся из компании в самый разгар торжества, лежал на диване и храпел, словно бенгальский тигр. На письменном столе возвышался набитый вещевой мешок, в духовке доходила дорожная курица. Одним словом, от готовности к труду до готовности к обороне оставался всего шаг.

Я пошел провожать Лену до метро. Технички, орудуя большими, похожими на телеантенны щетками, уже заканчивали подметать мозаичные полы. Взявшись за руки, мы стояли на платформе, ожидая, когда в тоннеле покажутся огни поезда, потом в последний раз поцеловались по-настоящему, и Лена вошла в совершенно пустой вагон. С резиновым стуком сомкнулись двери, молоденький машинист, значительно взглянув на меня, легко впрыгнул в кабину и крикнул кому-то: «Вперед!»

Вернувшись домой, я долго не мог заснуть и даже выходил на лестничную площадку покурить. Когда же я снова лег, в комнату заглянул отец и сказал:

— Ишь, разволновался. Подумаешь — два года! Раньше двадцать пять лет служили! Или ты из-за Ленки?

Недоумевая, как это люди служили по двадцать пять лет, я уснул...

...Наутро, еще затемно, мама, отец и я пришли, а говоря точнее, прибыли на стадион «Замоскворечье». В моем кармане лежала изукрашенная печатями повестка, в которой говорилось, что я призван на действительную военную службу и зачислен в команду № 44. Кроме того, согласно повестке я был одет по сезону в исправную одежду и обувь (отцовское

вытершееся пальто и старые суконные ботинки), имел короткую прическу, а также имел при себе пару нательного белья, полотенце, вещевой мешок для укладки личных вещей, ложку, кружку и туалетные принадлежности. Кроме того, я имел бледный вид человека, которого уносит течением судьбы в неизведанном направлении.

Вокруг пульсировала толпа призывников и провожающих, напоминавшая народные гулянья в районном ПКЮ. Бренчали гитары, всхлипывали баяны, временами толпа образовывала круг, в который, визжа, как «скорая помощь», влетала какая-нибудь тетка и с частотой отбойного молотка исполняла неразборчивые частушки. Периодически кто-то взрывался «не-плачь-девчонкой», но довольно быстро запутывался в словах. Волосатый парень рвал гитарные струны и пел заунывно-тоненьким голосом:

*Только две зимы, только две весны
Ты в кино с другими не ходи-и-и...*

При этом он умоляюще поглядывал на ярко заштукатуренную подругу.

В толпе, где провожающих собралось в десять раз больше, чем провожаемых, призывника можно было узнать сразу: во-первых, по нелепой, словно из вторсырья, одежде, а во-вторых, по выражению лица: «Мол, что же это делается? Жил — не тужил: работал, учился, в магазин бегал, на свиданки ходил... А что дальше будет?» Я выглядел как все, даже, наверное, еще хуже, потому что не было Лены. Даже в такой день она опаздывала. Но все обошлось — сначала приехал мой школьный товарищ Мишка Воропаев, а потом я различил в толпе грустное-прегрустное лицо Лены.

Мишка скорбно обнял меня, сказал несколько ободряющих слов моим родителям, а потом ненавязчиво обратил внимание собравшихся на тот факт, что прямо отсюда он поедет на занятия в институт. Тот самый институт, куда я недобрал полбалла. Потом все вместе мне давали советы, сводившиеся к тому, что ноги нужно держать в тепле и не брать ничего в голову. Мама ни с того ни с сего заговорила про какие-то гостинцы, словно я уезжал в пионерский лагерь, а не в армию. Какой-то дядька с красной, будто бы крапленой, физиономией, заслышав, как меня поучают, отшатнулся от своей группы и тоже дал совет: «Не разевай рта и не лезь куда не просят...»

Затем мои провожающие деликатно отошли в сторону, создавая условия для прощания с Леной. У нас все было решено: за два года подойдет очередь на кооператив, родители обещали скинуться. Кроме квартиры, все было совершенно определено и не вызывало никаких сомне-

ний. Временами я чувствовал себя героем популярной песни «Лебединая верность». Писать друг другу мы уговорились два раза в неделю (каждый день — это несерьезно!). Таким образом, получалось: $2 \times 104 = 208$. Через 208 писем я должен был вернуться. Это Лена здорово придумала — считать не дни, а письма! От нее я получил 38 писем, ровно по два в неделю... И хватит об этом!

Потом мы снова прощались все вместе, пока не появился офицер, подавший команду строиться. Уже в воротах я оглянулся и запомнил навсегда: ссутулившиеся родители, Лена с черной струйкой потекшей туши на щеке, Мишка, переминающийся с ноги на ногу и поглядывающий на часы.

Наконец, решительно и непоправимо оторвав от провожающих, нас загрузили в «КраЗ» с брезентовым верхом и повезли в райвоенкомат, расположенный недалеко от стадиона. Поначалу мы молча тряслись и подпрыгивали на выбоинах образцового города, а потом вдруг откуда-то из полутьмы крытого кузова раздался нетвердый голос, предупредивший нас, что в военкомате первым делом будут шмонать на предмет спрятанного спиртного. Информация точная и получена от старшего брата этого самого нетвердого голоса... И тут же в разных местах дребезжащего мрака засветились огоньки, запахло горелой пластмассой и послышалось торопливое бульканье. В этот самый миг машина остановилась и, шурясь от яркого света, мы увидели друг друга: нас можно было принять за группу репетирующих горнистов.

— Не опузыртесь! — равнодушно посоветовал прапорщик, откинувший брезент.

Но что самое удивительное: у входа в военкомат совершенно в том же составе толпились провожающие. Я успел разглядеть маму, отца, Лену. Нас построили в длинном коридоре, основательно проверили вещмешки и радостно конфисковали бутылки со спиртным. Затем мы снова набились в грузовик и на глазах у провожающих поехали. Но это была военная хитрость. Повозив по городу, нас доставили назад к военкомату, где теперь не было ни души.

Потом, как ученики за партами, мы сидели в ленинской комнате, и пузатый капитан вручал нам военные билеты. У одного парня вышла какая-то заминка с оформлением документов, и ему было приказано прийти завтра. Мы глядели ему вслед так, как, наверное, смертники смотрят вслед помилованному. До последнего момента я надеялся на чудо и даже отчетливо представлял, как мчусь переодеться домой, потрясаю своим звонком маму и встречаю изумленную Ленку возле ворот техникума. Целый день вольной жизни! Кстати, мои надежды питал реальный факт: фотографию-то для военного билета я не сдавал...